

Владимир Короленко

Смиренные

Владимир Короленко

Смиренные

«Public Domain»

1899

Короленко В. Г.

Смиренные / В. Г. Короленко — «Public Domain», 1899

«Лето стояло ведреное и знойное. Однажды, в самый полдень жаркого июльского дня, Иван Семенович сидел на скамейке у своей дачки, как вдруг над сосновым лесом в направлении деревни Колотилова показалась струя дыма. Она поднялась как-то внезапно. Иван Семенович не успел еще отдать себе ясного отчета в ее значении, как огромный столб уже вился, и клубился, казалось, совсем близко, вплоть за лесом, поднимаясь все выше и выше в раскаленной синеве неба и как будто заглядывая из-за леса в тихую улицу Раскатова...»

Содержание

I	5
II	6
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Владимир Галактионович Короленко

Смиренные

(*Деревенский пейзаж*)

I

Верстах в тридцати от большого губернского города N есть станция Чернолесье, любимое дачное место губернских жителей, над Окой. Несколько поездов соединяют его с городом, что позволяет даже сильно занятым людям приезжать сюда по окончании занятий, чтобы провести вечер с семьей, погулять при луне, полюбоваться горами отдаленного берега и причудливыми излучинами реки, а наутро, к началу службы, поспевать опять в N-ск. К приходу каждого поезда на дебаркадер скромного вокзала собирается самая изящная публика, пестрят дамские костюмы, вызывают восторг и зависть шляпки последнего фасона, у стволов ближней рощи дожидается всегда несколько прислоненных к деревьям велосипедов, и почта каждый день выбрасывает здесь целые кипы газет.

Одним словом, место совсем культурное, напоминающее дачные места где-нибудь под Петербургом или Москвой.

Но если вы захотите нанять, копеек за сорок, одну из таратаек, тесно запружающих небольшой дворик вокзала, то она доставит вас, так сказать, «в глубь страны». Это будет прежде всего Раскатово, приютившееся в том месте, где река, стесненная горами, делает крутой поворот. Раскатово уже значительно отзывается деревней. Из дачников здесь устраивается публика попроще, желающая хоть на лето избавиться от конкуренции костюмов и шляпок и поэтому установившая свои собственные летние законы: барышни гуляют здесь без зонтиков, в белых платочках на голове и часто босые и купаются прямо с берега, вступая иногда в препирательства с деревенскими мальчишками, не признающими демаркационной полосы. Раскатовцы в большинстве «волгарят», то есть ходят летом в лоцманах, водоливах, помощниках капитанов или даже капитанами на буксирных пароходах... Когда, в праздник, здесь заведут песни и хороводы, то вы можете порой увидеть местного кавалера, в пиджаке и шляпе котелком, в глянцеvitых новеньких калошах, надетых на сапоги бураками, – а вокруг него девицы в шелковых кофтах и с зонтиками чинно ходят с песней и величием.

Одним словом, и здесь еще не мало культуры, хотя некоторая часть раскатовцев сеют и пашут, снимая для этого землю «волгарей». Но если, пройдя по широкой улице Раскатова, вы выйдете за околицу в противоположной стороне, то увидите поля с колыхающей рожью, перелески и кусты, потом сосновый лесок по песчаным буграм, а за ним – сплошные нивы, покорно сгибающиеся под ветром. Среди этих нив, над широким прудом, засела деревенька Колотилово, с коренным пахарем, «крестьянином», как его зовут раскатовцы, нанимающие его на свои покосы. Себя, в отличие от пахарей, они называют «хозяевами» и «жителями».

II

В Раскатове проводил лето Иван Семенович Бухвостов, сотрудник одной местной и корреспондент нескольких столичных газет. Он удалился сюда еще в первый раз, по требованию докторов, так как начинало пошаливать сердце. Человек он был городской по всем привычкам и вкусам, и деревня, даже такая, дачная, была для него новостью. Пока эта вся новизна была ему интересна, но особенно интересовали его «дали», с которыми он не успел ознакомиться: убогие избы Колотилова за околицей и перелесками... а за рекой, на высоком берегу, среди беспорядочной зелени заманчиво выглядывавшие постройки почти запустелого монастыря. По праздникам оттуда доносился, впрочем, надтреснутый звон, а на перевозе можно было видеть простодушных и не всегда трезвых монахов. И Бухвостову казалось, что все это, – и околица, и перелески, и белые пятна монастырских зданий, и перевоз, нагруженный телегами и мужиками, и монахи в потертых рясах, от которых одновременно несло ладаном и сивухой, – все проникнуто каким-то одним общим выражением... И это выражение было ново, загадочно и интересно. Хотелось разгадать его, как иногда хочется понять физиономию встреченного на большой дороге оригинального человека.

Лето стояло ведреное и знойное. Однажды, в самый полдень жаркого июльского дня, Иван Семенович сидел на скамейке у своей дачки, как вдруг над сосновым лесом в направлении деревни Колотилова показалась струя дыма. Она поднялась как-то внезапно. Иван Семенович не успел еще отдать себе ясного отчета в ее значении, как огромный столб уже вился, и клубился, казалось, совсем близко, вплоть за лесом, поднимаясь все выше и выше в раскаленной синеве неба и как будто заглядывая из-за леса в тихую улицу Раскатова.

Мирная деревенька закопошилась: вытащили из-под навеса пожарную «машину», мальчишки понеслись на выгон за пожарными лошадьми, какой-то бутуз бежал и падал, путаясь в хомуте и вожжах... Предполагалось, что пожар в Колотилове, а по некоторой междудеревенской конвенции у Раскатова с Колотиловым существовала, так сказать, пожарная взаимность. Минут через двадцать пожарная тройка уже лихо катила по дороге, обгоняя торопившихся баб. День был праздничный, нерабочий, бабы и девки разбрелись по осиннику за ягодами и грибами, и теперь зловещий столб выгонял их всех на дорогу. Они бежали, спотыкались, причитали и крестились, не зная еще, точно ли над ними разразилась беда, или господь «посетил» кого-нибудь из соседей.

Бухвостов тоже, разумеется, встрепенулся: нужно было посмотреть деревенский пожар и, может быть, сообщить о нем в газету; да и вообще людям с пошаливающими сердцами не сидится, когда невдалеке происшествие. Он попытался было пристроиться к «машине», но она ускакала раньше, чем он добежал до нее. К счастью, в это самое время с вокзала вернулся Гаврил Пименович, хозяин его дачи, не успевший распречь лошадь, когда произошла тревога, – и через несколько минут оба трусили по дороге вслед за машиной.

Однако по мере того, как тележка подвигалась к Колотилову, столб точно удалялся. Когда же они въехали в околицу, которую открыла для них целая стая деревенских ребят, то уже не было сомнения, что в Колотилове все благополучно. В деревне было тихо и пусто, а темный столб все так же медленно, молчаливо и зловеще клубился впереди, над зубчатой линией, как будто приникшего к земле и побледневшего бора... Колокольцы раскатовской машины тренькали уже под самым лесом, но как-то нерешительно и вяло. Очевидно, машина была уже у пределов пожарной взаимности и помышляла о возвращении...

Улицы Колотилова будто вымело. Только из ближайшей избы, высунувшись в окно, глядела по направлению к пожару молодая баба, прикрыв глаза ладонью от солнца. Когда тележка поровнялась с нею, замедляя ход тяжеловатой лошади, Ивана Семеновича поразили странные звуки, несшиеся в открытое окно: какое-то ворчание, дикий рев, звериный вой, обрывки

песни, грязные ругательства, и все это в сопровождении металлического лязгания, как будто от цепи... Казалось, за этой бревенчатой стеной кто-то доходил до последней степени исступления, неистовствовал и рвался, лязгая железом... А между тем баба совершенно спокойно глядела на далекий пожар, как будто у нее за спиной не происходило ничего, заслуживающего внимания.

– Что это такое? – спросил Бухвостов у Гаврил Пименовича, еще не отдавая себе, ясного отчета, почему эта волна непонятных звуков прошла по нем такой острой дрожью... Мужик боязливо оглянулся и хлестнул лошаденку, торопясь поскорее проехать мимо.

– Гараська это... Не дай бог, сорвется еще. Видно, пожар зачуял... Помилуй, господи, как ежели сорвется.

– Кто сорвется, откуда?

– Да Гараська. Кому более! На чеши ведь он у них, Герасим-те.

Отъехав несколько сажений, он, видимо, успокоился и, вытянув лошаденку кнутом по заду, пояснил:

– На чеши, как же! Потому что, видите ли, он, Герасим то есть, не в себе, не в формальным, значит, рассудке.

И опять отъехав несколько сажений, он прибавил уже совсем спокойно, как о теме, исчерпанной до конца:

– Лет, никак, уже десять...

III

Темная полоса дыма, тихо клубившаяся за лесом, вдруг потеряла для Бухвостова прежний интерес и перестала казаться такой зловецей и значительной. Что значит пожар какой-нибудь избы, да еще среди белого дня и летом, когда вот тут, в нескольких саженьях, в такой же деревенской избе много лет мечется на цепи живой человек, – и никому это не кажется странным... И никто не спешит на помощь, и баба, прикрывая рукой глаза от солнца, с ленивым любопытством следит за дальним пожаром и за фигурой случайного проезжего, даже не оборачиваясь на беснование прикованного человека. Сердце у него забилося тем особенным тревожным боем, который звал на немедленное вмешательство: выскочить из телеги, кого-то позвать, на кого-то накинуться, кого-то непременно обвинить и сразу, сию минуту, немедленно прекратить этот ужас...

Он протянул руку и тронул Гаврил Пименовича за плечо. Лошаденка перестала месить пыль, а старик повернул к нему свои густые нависшие брови, из-под которых вопросительно и недовольно глянули маленькие колющие глаза...

– Что такое? – спросил он.

Спокойная улица Колотилова, казалось, тоже спрашивала у Бухвостова: «Что такое?» и уже одним своим буднично-равнодушным видом производила на газетчика отрезвляющее впечатление... Кого он позовет и на кого накинется со своей новостью? Перед ним, в непосредственной близости, была спина раскатовца, запыленная, с пропотевшими пятнами на лопатках... Далее мотался в пыли круп лошади, по сторонам в два порядка стояли новые бревенчатые избы (Колотилово недавно горело); между ними – бледные кудрявые ветлы и солидные темные осокори. Сзади в окне женщина провожала его равнодушным взглядом, и в промежутке между домами и ивами, с холмика, на котором лежало Колотилово, виднелись ржаные поля, покорно склонявшиеся под ветром...

Сердце у Бухвостова продолжало тревожно биться и звало на что-то, но обычные рефлексy во все вмешивающегося человека были как будто парализованы... Бухвостов с недоумением оглянулся, точно растерявшись и утратив какую-то руководящую нить к собственным ощущениям... И ему показалось, что на него глядит то самое, загадочное и затаенное, что он старался уловить в выражении всего этого пейзажа... Глядит, и под этим взглядом точно цепенеют его привычные чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.